

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА В.М.ШУКШИНА «ОХОТА ЖИТЬ»

© 2012 З.Н.Бакалова А.С.Бакалов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 23.03.2012

В статье проводится филологический анализ названного рассказа В.М.Шукшина.

Ключевые слова: подтекст, речь, диалог, жизнь, воля, ружье, преступление

° Современная ситуация в языкознании, с начала примерно 70-х гг. прошлого века, характеризуется сменой векторов лингвистических интересов: движением от изучения языка к анализу речи, главным образом, художественной, предполагающей изучение языковых средств в аспекте их специфического функционирования в произведениях словесного искусства. «Проблемы текста – актуальнейшие проблемы современной лингвистики», - справедливо считает профессор Ю.А.Левицкий (2002)¹. Несмотря на то, что основы филологического анализа текста были заложены еще в 1920-х годах работами Л.В.Щербы и Б.А.Ларина, а затем В.В.Виноградова и продолжены в трудах языковедов и литературоведов, текстологический уровень до сих пор менее изучен, нежели языковой. А между тем именно слово в широком его понимании (как языковое средство вообще) служит первоосновой художественного текста. Без самого пристального внимания к слову анализ литературного творения будет неточным, приблизительным, субъективным или даже нарочито идеологизированным, как это нередко бывало в советской школе. Только анализ «изнутри», «от атомов» литературного произведения в виде разнообразных языковых единиц может дать объективную картину сути и пафоса литературного произведения как детища автора, обусловленного прежде всего его интенциями.

Предметом нашего анализа будет рассказ В.М.Шукшина «Охота жить», на наш взгляд, одного из самых сильных его рассказов, по-

скольку в нем поднимаются очень важные нравственные вопросы человеческого существования. Единственный известный нам разбор этого рассказа приведен в учебном пособии «Лингвистический анализ художественного текста в вузе» Л.В.Поповской (Лисоченко)². Он вплетен в ткань теоретических положений, постулируемых автором, и служит им иллюстрацией. Для нас важна не только теория, но и методика филологического исследования в вузе, предусматривающая самостоятельную работу студентов. Истина, добытая путем индивидуальной мыслительной деятельности, особенно ценна. Молодые люди получают при этом надежный опыт поисковой работы. Наша цель – методом диалога со студентами показать богатство и суть идейного и эмоционального мира избранного нами художественного творения В.М.Шукшина выяснить причины его нравственного и эстетического воздействия, наконец, показать, как формируется речевая (неязыковая) тексто-дискурсная система средств выражения идейных и коннотативных смыслов.

Начинаем анализ с выяснения сущности жанра рассказа, который мы вслед за рядом авторов приравниваем к новелле (В.П.Скобелев, М.Веллер и др.). Это повествование о частном, как будто бы малозначительном событии, которое «под пристальным взглядом автора принимает масштабы и глубину»³. Сюжет новеллы сводится к встрече старого таежного охотника с молодым беглым преступником. Никитич приютил в своей избушке замерзшего и голодного незнакомца, дал ему шанс спастись от преследования и даже снабдил оружием от нападения лесного зверя. Но... но сам же пал от руки убийцы. «Так надежнее, отец», – про-

⁰ Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: abakalov@yandex.ru

Бакалов Анатолий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: abakalov1941@yandex.ru

¹ Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: учебное пособие по спецкурсу. – М.: 2002.

² Поповская (Лисоченко) Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов. 2-е изд. доп. и перераб. – Ростов н/Д.: 2006.

³ Веллер М. Песнь торжествующего плебея. – М.: 2007. – С. 314.

изнес парень и спокойно пошел на лыжах по заснеженной тайге. Шел крупный снег и покрывал следы содеянного. Что есть человек и по каким законам нужно ему жить на свете, – вот какие мысли возникают по прочтению рассказа.

Обратимся к тексту и рассмотрим лишь некоторые значимые языковые особенности шукшинского повествования, руководствуясь советом Н.М.Шанского о нецелесообразности досконального разбора текста и оставляя читателю право на домысливание отдельных его моментов.

Домашним заданием было прочитать рассказ, определить его ключевые слова и выписать основные языковые средства характеристики главных героев. Обычно, говоря о парне, студенты отмечают его внешние признаки, манеру речи и поступки. Тюремный беглец молод и красив, чем производит впечатление даже на Никитича. Впоследствии эта привлекательность будет звучать диссонансом к духовному облику антигероя. Статный, сильный, широкоплечий, ресницы пушистые, взгляд прямой, смелый, но какой-то «стылый». Как понять последнее определение?

В толковом словаре С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой дается только одно прямое значение: «стылый – холодный, остывший (стылая землянка, стылый воздух)». В тексте явная метафора. Студенты подбирают синонимы к метафорическому лексико-семантическому варианту лексемы «стылый»: равнодушный, недобрый, неприятный, ничего не говорящий. Делается вывод об активизации негативных сем в этом текстовом словосочетании. Два передних зуба – золотые. Выбиты? Руки нерабочие. Вряд ли геолог, как вначале предположил Никитич. Настораживающие художественные детали постепенно накапливаются, что находит отражение и в речи прищельца.

Никитич: Садись, чего стоять-то? Парень улыбнулся.

– Так не говорят, отец. Говорят «присаживайся» (у парня особые ассоциации со словом «сидеть»). Особенно впечатляет его панегирик «воле»? «Охота жить, отец. Ты ее не знаешь, жизнь. Она – дорогуша, роднуля моя. Возьмем мы ее, дорогушу, за горлышко... Я иду по горodu, и он весь мой...».

Студенты обычно комментируют этот монолог как агрессивный, хищнический, циничный. Неприятно звучат и кажущиеся фамильярными в данном контексте слова с суффиксами «-уш» и «-уль». Прищелец сознается, что бежит из тюрьмы, и далее следуют гнусные слова об Иисусе Христе и его учении о добре и прощении. А под конец вывод о людях: добрых людей нет.

Почему Никитич приветил явного преступника? Он жалеет неприкаянного и избитого судьбой человека, хотя и не одобряет его бегства. Он напоил парня, накормил, спать уложил и «пытать» излишне не стал. Совсем как в русском фольклоре. Парень же ночью бежал, испугавшись незваных гостей Никитича, прихватив при этом ружье, без которого охотнику не обойтись. А когда Никитич догнал его на лыжах, бандит пристрелил старика, очевидно, чтобы не болтал лишнего (Никитич опрометчиво выразил свою радость, что беглецу удалось счастливо избежать встречи с неожиданно прибывшим начальником милиции).

На вопрос, можно ли считать, что центральные персонажи связаны отношениями контраста, студенты отвечают положительно. Контрастность, оппозиционность обоих героев автором не подчеркивается, но она заявляет о себе буквально во всем: в портрете, возрасте, социальном статусе, речевом поведении, в образе жизни, по жизненным ценностям, по эмоциональным сторонам личностей. Это подчеркивается даже символикой наименований персонажей: безымянностью «залетного» парня и ласковыми словами повествователя об охотнике – Никитич, отец. Обе личности сильные, но один – человек хороший другой – порочный по своей бездуховной натуре и бесчеловечности.

Следующим этапом анализа становится смысл заглавия рассказа «Охота жить» (сильная оппозиция). Говорят: «как корабль назовете, так корабль и поплывет». Охота жить – лейтмотив рассказа и ключевое словосочетание. Студенты делают предварительный вывод, что именно эта «охота», т.е. стремление любой ценой добиться вольной жизни многое объясняет в рассказе: парень с легкостью перешагивает через чужую жизнь, лишь бы добиться собственной свободы. «Воля», о которой он грезит, один из основных концептов рассказа. По данным словаря Ожегова-Шведовой, первое значение многозначной лексемы «воля» – это «способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели». Многозначное слово «свобода», как ее синоним (кстати, далеко не абсолютный), имеет два существенных значения, которые дополняют характер воли-свободы парня: 1) Отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений в чем-либо и 2) Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. «Всем охота жить», – говорит Никитич, имея в виду себя. Но свобода Никитича принципиально иная: это осознанная необходимость. Все его действия – в рамках возможного, они очерчены соблюдением нравственных ориентиров, с которыми он внутренне согласен. Для парня же нравственных запретов не существует. Есть

только его «эго»: для его личных целей позволено все. Возможен еще один аспект трактовки звукового комплекса «охота»: в качестве разных частей речи. В названии рассказа «Охота жить» (желание жить) охота находится в составе главного члена безличного предложения, это категория состояния. Образовалась эта категория состояния с очевидностью от существительного «охота» путем дифференциации, распада значений (сравни: «пора весенняя» и «пора ехать»). Существительное «охота», в свою очередь, по происхождению восходит к глаголу «хотеть», возникла приставочным способом, но с течением времени семантика желания (хотения) стерлась, уступив место семантике отстрела зверя. Таким образом, омоформы «охота» как категория состояния и «охота» как существительное как будто далеки по значению.

Слово «охота» как категория состояния связано с образом беглого заключенного и означает, как помним, его страстное желание свободной жизни (воли). Изменение частеречного статуса от существительного к категории состояния вернуло первоначальную семантику хотения. «Хотение» у парня эгоистическое, достигаемое любой ценой, включая возможность убийства. Цель такого «хотения» – незаслуженная развеселая жизнь: в большом городе, с ресторанами, женщинами, в качестве хозяина положения. Охота как существительное связана с образом Никитича. Это промысел, профессия, труд, любимое (желанное) дело его жизни. Но даже отстрел дикого зверя подчинен каким-то разумным правилам. Никитич не станет убивать медведицу, если у нее двое медвежат. Пусть живут себе на воле. Надо думать и о сохранении таежной фауны. Контекст рассказа актуализирует этимологическую близость постоянно перекликающихся омоформ, создавая некую полифонию разных желаний героев.

Что касается композиционных вех рассказа, которые тоже работают на идейный смысл, то убийство старика, – несомненно, кульминация. Читатель потрясен вероломством беглого зека, его черствостью, жестокостью, неблагодарностью, хищничеством, зверством. А развязка? Есть она или ее нет? Выраженной словесно развязки, действительно, нет. Но намеки об определенном повороте событий в тексте есть, как были намеки о судьбе Никитича. Студенты подсчитали, что в тексте более 20 раз повторяются слова «ружье» и «картечь» (крупная дробь), благодаря которой ружье становится смертоносным орудием. Цитируются слова А.П.Чехова о том, что если висит ружье в первом действии, то оно непременно выстрелит в пятом. Это ружье и убило старика. А какова судьба убийцы? Он будто бы спасся. Вспоми-

наем, что в тексте шесть раз звучит предостережение Никитича с архисемой «не дойдешь»: «Пропадешь ты. Зимнее дело, по тайге»; «Поймают вить. Сцапают и все»; «Найдется и на тебя лихой человек»; «За убийство тебя Бог накажет. От людей можно побегать, от него не уйдешь». Эти повторы создают довольно прозрачный подтекст (содержательно-подтекстная информация по И.Р.Гальперину) – скрытое сообщение о перспективе гибели парня. Зло должно быть наказано. Возможно, именно в этом замысел автора. Человек, спасший себя ценой жизни своего спасителя, по законам возмездия не спасется от судьбы, рока, карающей руки Того, кому он богохульно мечтал «выпустить кишки», если бы это было возможно в реальной жизни.

Студенты убеждаются в действенности метода поиска, сопоставления и синтеза ключевых слов, сближением иногда далеко отстоящих друг от друга сходных значимых элементов текста. А.Р.Лурия⁴ называет его методом сличения смысловых ядер (Язык и сознание. 1998). Ключевые слова обычно многократно воспроизводятся, выступая и как средство обеспечения текстовой когезии (связности), и служа действенным средством понимания идейно-эстетической позиции автора.

Помимо ключевых слов, есть еще достаточно значимые языковые средства, которые тоже не должны пройти мимо студенческого внимания. Это художественные детали как существенные подробности текста: запах, цвет, вкус, звук, жест, детали интерьера, портрета, пейзажа. Студенты обычно без труда приводят массу таких, на первый взгляд, «мелочей». Так, «побуревший снег» в конце рассказа символичен. Неожиданный для снега цвет настолько выразителен, что делает описание зримым, броским и тревожным. Его смысловая нагрузка состоит в сразу вспыхивающих в сознании ассоциациях с кровью, как бы подготавливающих читателя к трагедии. Характерный звук выстрела в таежной тишине («Никитич услышал, будто над самым ухом оглушительно треснул сук») вызывает конкретность представления, создает впечатление правды, реальности произошедшего.

Остается еще один немаловажный момент, о котором пишет Л.В.Поповская (Лисоченко)⁵. Только ли охота жить – причина преступления парня? Автор предлагает гипотезу, согласно которой причиной убийства послужила отнюдь

⁴ Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов н/Д.: 1998.

⁵ Поповская (Лисоченко) Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособие для студ. филол. факультетов. 2-е изд. доп. и перераб. – Ростов н/Д.: 2006.

не словоохотливость Никитича, а то, что зек не способен понять душу человека, который его спас. Ему в принципе не дано понять, что старый охотник не предаст и не выдаст, а поможет, предупредит, посочувствует. Обычно в аудитории возникает небольшая дискуссия, которая, как правило, это гипотезу не опровергает. Никитича погубила его доверчивость, честность, нежелание оставить истину сокрытой.

И, наконец, о речевой системе. Все рассмотренные имплицитные смыслы понятны лишь в контексте и подкреплены нашими пресуппозициями (представлениями о мире и нравственных ценностях). Это уже свидетельство существования особой, не языковой, а речевой системы средств выражения. Такая система богата оттенками, «приращениями смыслов» (выражение А.Б.Ларина). Студенты легко находят одну из ярких иллюстраций к текстовой системе: глагол «молчать» в конце рассказа. Никитич молчит, соображая, как бы помочь парню с ружьем. Парень же молчит, замышляя убийство. «Молчит» – нейтральное в аксиологическом смысле языковое средство, но в рассказе за этим словом стоит целая драма. Молчание в

контексте многофункционально. Это только вершина айсберга, под которой таится очень многое, это способ компрессии смыслов, которые без контекста пришлось бы выражать длинным речевым пассажем. Это именно так, как сказал Л.Толстой об искусстве И.Е.Репина: «Мастерство такое, что не видно мастерства». Ассоциативные смыслы работают на образительность (сцена полного безмолвия в лесу), обогащают литературное произведение, делая молчание неоднозначным, придают рассказу идейную глубину. Наконец, не навязывая читателю каких бы то ни было назиданий, подводят его к верным выводам. М.Веллер пишет: «Шукшин не судит героев, он понимает, и это дает двойственный, рефлектирующий взгляд на предмет рассказа, как бы и изнутри, и с наружи – сверху: автор видит куда глубже, чем рассказывает рассказчик»⁶.

Речевая система гибкая, динамичная, бесконечно богатая нюансами, рождаемыми дискурсом в его широком понимании: пресуппозициями и горизонтальным контекстом.

⁶ Веллер М. Песнь торжествующего плебея... – С. 351.

A PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE SHORT STORY BY V.M.SHUKSHIN «THE WISH TO LIVE»

© 2012 Z.N.Bakalova, A.S.Bakalov^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article gives a philological analysis of the short story by the Russian 20th century writer Vasiliy Shukshin.
Key words: implication, dialogue, image, life, liberty, gun, crime.

^oZinaida Nicolaevna Bakalova, Doctor of Science in Philology,
Associate Professor of the Russian Language department.

E-mail: abakalov@yandex.ru

Anatoly Sergeevich Bakalov, Doctor of Science in Philology,
Associate Professor of the World literature department.

E-mail: abakalov@yandex.ru